

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55
DOI 10.26170/pl20-02-13

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.01.10; 10.02.01

О. И. Асташова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4742-8173

 E-mail: oliams@rambler.ru.

Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена реконструированию моделей региональных идентичностей на материале новых медиа Урала («URA.RU»), Татарстана («Татар-информ») и Калининградской области («Новый Калининград»). Идентичность рассматривается как дискурсивный концепт, воплощенный комплексом идентификаций разнообразных тематических направлений, на которые накладываются сверткостекстовые категории времени и пространства. Используется критический подход, анализируются практики конструирования субъектных позиций регионального медиадискурса, определяющих отбор и описание объектов и ключевых концептов. Сравнительный анализ выявляет сходства и различия медиатекстов трех территорий как в наборе дискурсивных практик, так и в сопутствующем смысловом наполнении.

Делается вывод о разнице в степени актуализации общих значений. Территории объединяет ландшафтно-географический принцип отбора пространственных объектов, номинации которых служат вербальным кодом «своих». Темпоральную идентификацию регионов характеризует обращенность жителей к прошлому, влияющему на настоящее. Преобладают нарративные практики конструирования истории местного сообщества и его политической идентификации в настоящем, обнаружены пересечения практик политического и религиозного дискурсов. Стержневые идентификации Урала так или иначе связаны с горной местностью, Татарстана — с этноконфессиональным и экономическим направлением, Калининградской области — с историей региона и архитектурной самобытностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; журналистика; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; дискурс-анализ; региональная идентичность; дискурсивные практики; региональные СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Асташова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: oliams@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Асташова, О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа / О. И. Асташова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 120–133. — DOI 10.26170/pl20-02-13.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Изучение региона как территории, объединяющей ее жителей на основе географической и культурно-исторической самобытности, получило большое распространение в современных гуманитарных науках. Особое направление составляют исследования регионального самосознания. Политическая природа феномена и вопрос границ в мобильном меняющемся обществе — проблемы, с которыми сталкиваются ученые [см.: Рааси 2003]. Недаром политическим фокусом отличаются работы как в социальных [см.: Айт 2014; Назукина 2009; Туровский 1999], так и в филологических науках [см.: Каминская 2016].

Как показывает мировая практика, пики проявления регионализма, такие как сепара-

тизм, локальный патриотизм, активное позиционирование бренда региона, приходится на исторически обусловленные периоды кризиса национальной идентичности. Вспомним книгу С. Хантингтона о проблемах американской идентичности в начале XXI в. [Huntington 2004], труды о немецкой идентичности после Второй мировой войны [Terlouw 2012; Айт 2014], а также целый ряд работ о британской [Leith 2011; Schroder 2015] и испанской [Iveson 2017; Miro 2019] идентичности в условиях вызовов европейского интеграционного процесса.

В России интерес к региональной идентичности обостряется после распада СССР, когда формируется «ситуация идеологического тупика» [Купина 2009: 187]. Пересмат-

ривается порядок взаимодействия центра и периферии с провозглашаемой ориентацией на принцип субсидиарности, меняется механизм представительства региональных интересов, ставится вопрос о соотношении общегражданского и локального самосознания, к тому же с учетом его осложнения этническим, религиозным и языковым многообразием российской территории [см.: Гражданская, этническая... 2013; Макарова 2011].

В настоящее время повышено внимание к региональным медиатекстам. Также расширяется географический охват изучаемых территорий, среди них наиболее разработаны этнически специфичные регионы, в частности, Татарстан [см.: Макарова 2011; Сагитова 2018] и Сибирь [см.: Анисимова, Ечевская 2012; Головнева 2018].

Формирование обновленного мировоззрения требует не только социологического, но и лингвистического осмысления. Важным представляется аксиологический подход, позволяющий, с одной стороны, интерпретировать национальную идентичность с помощью лингвистических методов измерения общих ценностных смыслов [см.: Лингвистика и аксиология 2011], с другой — выявлять в региональных текстах локальные «интегремы — аксиологически маркированные номинации ценностей» [Купина 2017: 20] — и структуру аксиосферы региона [см.: Пушкарёва 2017; Шушарина 2016].

Растет количество исследований региональной идентичности, выполненных в русле дискурс-анализа [см.: Асташова 2019; Богомяков 2007; Ильина, Каблуков 2019а, 2019б; Каминская 2016; Костяшина 2012; Ребрина, Чубай 2019; Чепкина 2016]. Разнообразие используемых методов чрезвычайно велико, однако объединяющим основанием выступает понимание термина «дискурс» в духе социального конструкционизма. Имеется в виду «форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 24]. При этом вербальные средства не только репрезентируют действительность, но и конституируют ее под влиянием изменений, т. е. вариаций воспроизведения реальности в виде приписываемых значений. Соответственно дискурсивное видение природы идентичности предполагает опору на такие ее свойства, как динамичность, множественность и ситуативность [Проблемы конструирования... 2017: 21].

Теоретической базой настоящего исследования является подход, восходящий к

идеям М. Фуко. В основе метода лежит анализ дискурсивных практик — правил организации смыслов в дискурсе. Решающее значение в циркулировании практик имеет фукианская концепция: статус истинности получают те смыслы, которые побеждают в борьбе множественных дискурсов, и результат этой борьбы конкурирующих значений неуловим, так как постоянно изменчив. Из данного положения исходит теория дискурсивной гегемонии Э. Лакло и Ш. Муффа [см.: Laclau, Mouffe 2001] и в целом критический дискурс-анализ, преследующий цель найти зависимость структуры дискурса, его речевых форм от социальной практики, установленной правящим институтом. Не случайно Т. А. ван Дейк называет КДА научной формой сопротивления дискурсивному доминированию как результату «злоупотребления властью» [Дейк 2013: 18].

Продолжение настоящих идей находим в работах Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной. Вслед за ними мы рассматриваем медиадискурс с точки зрения воплощения в нем практик конструирования истины, которые, в свою очередь, определяют практики формирования концептов, объектов и субъектных позиций дискурса [см.: Проблемы конструирования... 2017; Чепкина, Енина 2012].

Идентичность понимается нами как концепт, конструируемый в медиадискурсе с помощью социально и исторически детерминированного механизма производства истины; это комплекс идентификаций (вербализации конкретных смыслов), организованный дискурсивными практиками, характеризующийся незавершенностью, условностью и ризоматичностью. «Идентификация предстает как отдельный дискурсивный акт установления тождества или различия между дискурсивными объектами» [Проблемы конструирования... 2017: 22]. Конструктивисты также часто оперируют категорией «Другой» и определяют ее катализатором в процессе идентификации [см.: Нойман 2004]. Следует уточнить, что под носителем идентифицирующих признаков мы подразумеваем только самого говорящего — для иных случаев предназначены понятия «образ», «персонаж» [Каблуков 2018: 25–26].

Кроме того, принципиален отказ от того, что говорящий сознательно и самостоятельно выбирает языковые средства для определения себя. Мы исходим из того, что он идентифицируется с уже заложенной в структуре дискурса субъектной позицией, которая определяет набор используемых дискурсивных практик. Речетворчество мыслится не как средство репрезентации уже готового, устойчивого смысла, а как сиюми-

нутный результат пересечения многих дискурсивных значений, из которых конструируется идентичность. Таким образом, наполнение концепта фиксируется исследователем «здесь и сейчас» ровно в том виде, в каком он предстает в дискурсе, а не встраивается в готовый каркас представлений об объекте идентификации. Такое понимание делает дискурс-анализ максимально приближенным к жизни, однако в то же время видятся и его ограничения. Анализируя идентифицирующие высказывания, исследователь обнаруживает множество субъектных позиций, разные фокусы видения идентичности, а не саму идентичность — иными словами, имеет дело только с ее конструктом, моделью [см.: Ильина, Каблуков 2019б].

Задача данного исследования состоит в том, чтобы обнаружить и описать ключевые дискурсивные практики массмедиа, сопровождающие конструирование региональной идентичности. Для этого мы выявляем, как сверткостовые категории времени и пространства задают магистральные направления для наполнения концепта, в который также включаем тематические направления идентификации: политическое, экономическое, этническое, религиозное, социальное и др. [см.: Ильина, Каблуков 2019б; Проблемы конструирования... 2017]. Чтобы отразить всю сложность и многомерность концепта, обратимся к текстам СМИ разных регионов России и предпримем попытку их сравнительного анализа.

Материалом для исследования послужили СМИ Урала, Татарстана и Калининградской области. Регионы привлечены как вернакулярные районы — символические пространства, границы которых существуют в представлениях населения и могут не совпадать с административным делением. Если в случае с Татарстаном и Калининградской областью это совпадение есть, то уральцами себя считают жители Свердловской, Челябинской областей и Пермского края [Ильина, Каблуков 2019б]. Выбор продиктован стремлением систематизировать регионы по признакам, которые позволяют охватить многообразие этнокультурной карты современной России и в то же время учесть широкий географический разброс территорий. Урал выбран в качестве примера региона с преобладанием русского населения, Татарстан — национальной республики с религиозной спецификой, Калининградская область — пример географически отдаленного региона [см. также: Ильина, Каблуков 2019а].

В эмпирическую базу исследования вошли журналистские тексты изданий, имеющих самый высокий рейтинг по индексу ци-

тируемости в регионе за 2018 г. (по данным сайта системы мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия»: <https://www.mlg.ru/>): уральского информационного агентства «URA.RU» (материалы Свердловской, Челябинской областей и Пермского края), информационного агентства «Татар-информ» (дочерней электронной газеты Татарстана «События») и интернет-портала «Новый Калининград». Анализируемый период составил один год (1 апреля 2018 г. — 1 апреля 2019 г.). Источники представляют собой новые медиа — цифровые медиапродукты высокой оперативности, распространяемые с помощью Интернета и не имеющие традиционной версии.

В традициях критического дискурс-анализа для нас важна также идеологическая характеристика формата анализируемых СМИ. «URA.RU» и «Новый Калининград» транслируют независимую или практически независимую позицию журналиста, и можно предположить, что выбор населением такой субъектной позиции закономерен, поскольку чтение электронных изданий подразумевает большую свободу в отношении адресата и адресанта, а также в самостоятельности выбора контента и источников информации. Но на общем фоне выделяется агентство «Татар-информ» (АО «Татмедиа»), которое находится в государственной собственности Республики Татарстан и имеет соответствующее стратегическое значение. Если пользоваться терминологией М. Кастельса, жители республики солидаризируются с «легитимизирующей» идентичностью [см.: Castells 2010].

Пространственная идентификация служит отправной точкой для любого вида территориальной идентичности. Практики отбора географических объектов очерчивают границы территории, считающейся «своей». Функцию пространственного дейксиса выполняет целая сеть онимов геометрического измерения, среди них ведущая роль отводится топонимам (*Екатеринбург, с. Староуткино, р. Чусовая, Казань, д. Вадовка, оз. Кабан, Калининград, пос. Шоссейный, Ялтинский пруд*). Отдельную категорию составляют обозначения знаковых мест внутригородской среды региональных центров: *Плотинка, Екатеринбургская телебашня* (в Екатеринбурге); *Стар-Татарская слобода, Кремлевская набережная* (в Казани); *Октябрьский остров, Медовый мост* (в Калининграде). Номинации образуют единое коммуникативное поле, читатели узнают в журналистских текстах знаки «своих», ассоциируя себя с предлагаемой идентичностью [см.: Ильина, Каблуков 2019б: 124].

На уровне топонимики видны и различия реконструированных карт регионов. Как показывают медиатексты, специфику набора локальных объектов, по которым жители идентифицируют себя, определяют особенности местного ландшафта и географического соседства. Так, для СМИ Урала характерны обозначения гор (*Круглица, Отортен, Песчаная*); материалы Татарстана отличаются малочисленностью названий водоемов и частотное упоминание Башкортостана; пограничное прибалтийское положение Калининградской области обусловило включение в «свой» вербальный код Санкт-Петербурга, Балтийского моря, названий погранпереходов (*Мамонтово-1, Багратионовск*), польских и литовских топонимов (*Гданьск, Нида*), названий кос (*Балтийская коса, Куршская коса*), островов (*остров Канта, Октябрьский остров*) и многих разновидностей водоемов (*Гагаринский ручей, Летнее озеро, Мельничный пруд*).

В публикациях «Нового Калининграда» практики отбора объектов дискурса мотивируют также историческая и культурная идентификация калининградцев. В систему значимых точек территории входят номинации архитектурных памятников (*Замок Тапиуа, Дом Советов*) и улиц (*ул. Дмитрия Донского, ул. Профессора Баранова*). Примечательным оказывается наложение лингвистической идентификации, которая проявляется в дублировании (реже — замене) русских названий ориентиров эквивалентами на немецком языке: *ул. Ганзаринг (пл. Победы), Мюлентайх (Мельничный пруд)*. Подобные транскрибированные вкрапления главным образом наблюдаются в текстах об истории земель бывшей Восточной Пруссии. Языковая интерференция в топонимике свойственна и татарстанским СМИ [см. также: Ильина 2020]: *многие... станции имеют русский и татарский вариант названий: «Козья слобода» — «Кәжә бистәсе», «Площадь Тукая» — «Тукай майданы»...* (События. 05.09.18).

Практики описания пространственных объектов конструируют природную идентификацию региона [см. также: Асташова 2019]. Красота местного ландшафта воспевается только в уральских и калининградских текстах — в модели татарстанской идентичности смысл эстетической уникальности территории редуцирован. Приведем примеры: *Южноуральские ученые говорят, что природа Зигальги уникальна. Только здесь встречаются ледники, горы, реликтовые леса и даже висячие болота...* (URA.RU. 22.02.19); *ЛУКОЙЛ помогает нацпарку [«Куршская коса»] издавать книги*

и фотоальбомы, которые становятся основными имиджевыми продуктами одного из красивейших мест Калининградской области (Новый Калининград. 10.10.18).

Климатический идентификатор тоже имеет значение для уральской и калининградской идентичности, но исключен из татарстанской. Близость Калининграда к морю обуславливает регулярность сообщений о штормах и ветрах. Непредсказуемые и суровые метеоусловия Урала часто становятся информационным поводом публикаций, иногда погодой объясняется закрытый, холодный нрав уральцев: *Холодная погода, которая установилась на Урале вопреки календарному лету, изрядно подпортит настроение жителей региона (...)* Климатический фактор в менталитете жителей Урала и Севера отмечает и Иван Карнаух (URA.RU. 02.06.18).

Темпоральная идентификация региона представляет собой конструирование картин настоящего, прошлого и будущего местных жителей.

1. Обращаясь к психоаналитическим истокам термина «идентичность», мы говорим об условности категории **настоящего**: идентичность «связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего» [Эриксон 1996: 323]. Так или иначе, рассмотрим идентификации жителей регионов в соответствии с периодом их актуальности на момент выхода публикаций. Повестка дня региона складывается по тематическим направлениям, которые коррелируют с выделенными типами идентификации: политической, экономической, этноконфессиональной, социальной и культурной.

Реконструируя **политическую идентификацию** жителей регионов, в первую очередь обозначим субъектные позиции медиадискурса.

Дискурс СМИ обычно предлагает позиции журналиста (адресанта) и персонажа (эксперта) [Проблемы конструирования... 2017: 16]. Проанализированные тексты транслируют поиски региональной идентичности с позиции, с одной стороны — журналиста, с другой стороны — субъектов, выполняющих роль персонажей: общества (жителей региона), региональной власти и религиозного института. Журналист солидаризируется с одним из названных персонажей или занимает место посредника. Стоит акцентировать внимание на том, что в условиях современной российской действительности есть основания рассматривать позицию политической элиты и религиозного института как единую, несмотря на декларируемую свободу вероисповедания [см.: Васон 2002].

Имеется в виду принцип пересечения политического и религиозного дискурсов главным образом на уровне концептуализации национальной идентичности [см.: Асташова 2017]. Как свидетельствует наш материал, данная закономерность экстраполируется и на территориальную идентичность.

Изученные издания представляют разные сегменты регионального медиадискурса исходя из практик конструирования позиции населения. В отобранном материале отражается «дихотомия автономии/гегемонии» [Laclau, Mouffe 2001: 182], так как одни тексты демонстрируют принципы партикуляризма, другие — универсализма.

Редакции уральских и калининградских СМИ стремятся к формированию партикулярной политической идентичности, базирующейся на создании образа полицентричного общества, с передачей права голоса как оппозиционно настроенным представителям, так и приверженцам государственнического и/или церковного идеологического вектора. Практики конструирования субъектных позиций и отбора персонажей выдвигают на первый план фигуры региональных чиновников высшего звена и активистов, которые, в свою очередь, оказываются расколотыми на государственников и апологетов оппозиции, или клерикалистов и антиклерикалистов.

Среди значений, конкурирующих в борьбе за место в моделях калининградской и уральской идентичности, побеждают смыслы отнесенности к протестному движению. По утверждению Э. Лакло и Ш. Муффа, антагонизм есть отрицание определенного порядка [Laclau, Mouffe 2001: 126], поэтому процесс идентификации происходит через артикуляцию неприятия. Практики конструирования истины в обоих изданиях работают на возвышение идеологемы «борьба за права и свободы» и понижение идеологемы «традиционные ценности», которая сращивает политический и религиозный дискурсы в попытке трактовать феномен национальной идентичности по этноконфессиональному показателю. К примеру, освещая такое резонансное медиасобытие 2019 года на Урале, как движение против строительства храма у Театра драмы в Екатеринбурге, журналисты «URA.RU» используют приемы едва уловимой иронии, направленной на власть/церковь: *Тем, кто вышел за храм в Екатеринбурге, обещали «царствие небесное»* (URA.RU. 17.03.19); *Жителей столицы Урала наконец-то спросили о храме Екатерины* (URA.RU. 06.12.18). Аналогичное проявление гражданской активности находим в публикациях «Нового Калининграда»: *Горожане решили уберечь фигурки от нападков*

Церкви и коммунистической партии довольно оригинальным способом и повесили на хомлину, сидящего на Медовом мосту, янтарный крестик. (...) архиепископ Калининградский и Балтийский Серафим направил губернатору Антону Алиханову официальное письмо с критикой в адрес миниа-турных скульптур хомлинов (...) епархия усматривает в факте установки фигурок «тенденцию к популяризации идей неоязычества», которая «оказывает деструктивное воздействие на развитие национальной культуры» в области (Новый Калининград. 27.03.19).

Уникальность калининградской идентичности обеспечивается наложением на политическое самоопределение культурной и исторической идентификации. Местная общественность предстает разделенной на германизаторов и антигерманизаторов. Субъектная позиция первых совпадает с фокусом оппозиционного дискурса и конструируется истинной за счет отбора экспертов, поддерживающих политику редакции, и приоритетных тем для публикаций. Важное место отведено текстам, посвященным немецким памятникам, оставшимся на территории региона. Позиция антагонистов представлена эквивалентной чиновническому видению истории региона — с игнорированием или отрицанием значения немецкого влияния на идентичность местных жителей: *...любители делить историю на «свою» и «чужую» развернули на одном из интернет-ресурсов кампанию против восстановления памятника жителям Восточной Пруссии* (Новый Калининград. 08.10.18); *У городских властей своя борьба с онемечиванием — они решили выкорчевать немецкие люки и решетки ливневой канализации с улиц Калининграда и заменить их отечественными* (Новый Калининград. 25.09.18).

Иной сегмент регионального медиадискурса образуют материалы татарстанских СМИ. Общество в основном изображается единым в идеологическом отношении. Высвечивается принцип универсализма, то есть идентичность эквивалентна равенству, а не различиям, как происходит в случае с либеральным дискурсом [см.: Laclau, Mouffe 2001]. Попутно заметим, что идея единства принадлежит не только тоталитарному дискурсу, но и многим «воображаемым сообществам» [см.: Андерсон 2016], или «воображаемым порядкам», к которым Ю. Н. Харари относит также религии [см.: Харари 2016].

Политическая идентификация татарстанцев определяется субъектной позицией власти, которая в национальной республике совмещена с позицией мусульманского ду-

ховенства. В дискурсе акцентируется идеология государственнического дискурса «стабильность» и смысл поддержания вертикали власти как залога устойчивого развития региона: *Примерно 83 % татарстанцев считают ситуацию в республике «стабильной и спокойной»...* (События. 16.03.19); *Выполнены «майские указы» Президента РФ 2012 года. Зарплаты врачей и воспитателей выросли более чем в два раза* (События. 24.09.18).

Пересечение политического и религиозного дискурсов диагностируется по отбору концептов в речи субъектов власти. Скажем, политический оттенок обретает одна из идеологем религиозного дискурса — «халляльный образ жизни»: *В республике ведется активная работа по развитию сектора исламских финансов и индустрии халляль. Ислам является ярким неотъемлемым элементом российского культурного кода, а Татарстан находится в авангарде взаимодействия со странами исламского мира, сообщил Президент Татарстана* (События. 01.11.18).

Экономическая идентификация регионов тесно связана с геологической характеристикой территорий. Урал представляется промышленным регионом с богатым историческим прошлым главным образом в горнодобывающей и металлургической отрасли. Татарстан описывается как территория наиболее развитого сельского хозяйства, автостроения и нефтепереработки, особой сферой изображается образование. Образ Калининградской области ассоциирован с автостроением, морской и янтарной промышленностью.

Конструирующие идентичность практики отождествления и различения [Проблемы конструирования... 2017: 35] преломляются на нашем материале в практики сопоставления/объединения с другими регионами: Первый в России конвертерный цех отметил юбилей на Урале (URA.RU. 05.10.18); *Руководители компании рассказали о первом в мире сельхозпроекте, где все работы по выращиванию зерновых культур выполняют тракторы и дроны* (События. 27.11.18). Нередко объектом для сопоставления служит Москва, иногда Санкт-Петербург: *Альметьевск обошел Казань, Москву, Питер в рейтинге «Гринписа» по развитию инфраструктуры для раздельного сбора мусора* (События. 20.08.18); *Уральский регион вошел в пятерку популярнейших мест для работы. Сюда хотят переехать даже москвичи* (URA.RU. 18.09.18).

В Калининградской области актуализируется цивилизационная идентификация

пограничной территории, близость к Европе награждается значением более высокого уровня жизни по сравнению с «большой» Россией: *Мурманск хорошо приглушает калининградский снобизм: мол, мы — Европа, и может ли у вас в России быть лучше (Москва и Санкт-Петербург не в счет)* (Новый Калининград. 10.12.18). Самобытными также являются смыслы «особое экономическое положение» и «рекреационный потенциал туризма» в силу местонахождения региона, но общая картина экономического состояния области описывается в текстах «Нового Калининграда» достаточно унылой, говорится только о возможных перспективах.

Уральская и татарстанская экономика предстают в текстах местных СМИ передовыми, особенно благодаря вербальным сигналам «инновационный», «умный». Производственное лидерство становится поводом для усиления значения регионального и национального патриотизма: *На встрече с британскими разработчиками Рустам Минниханов заявил, что Татарстан старается использовать на своих полях передовую технику и инновационные технологии* (События. 27.11.18); *Названы самые инновационные города. (...) Областные центры Урала опередили Москву в показателях благосостояния креативного класса, качества высшего образования* (URA.RU. 01.04.19). В «URA.RU» мотив гордости за регион поддерживает, в частности, большое внимание к оборонной промышленности. Воспроизводится устойчивая идентификация «Урал — опорный край державы»: *«(...) Урал — это опорный край державы, и танки грязи не боятся», — заявил Бочкарев (...) «Именно здесь выпускают самый массовый танк — Т-72. УВЗ — это мощнейшая производственная база и интеллект...»* (URA.RU. 08.09.18).

В связи с санкционным режимом российской экономики Урал и Татарстан в журналистских текстах оказываются включенными в медийный концепт информационной войны, причем в них проступают знаки проправительственного дискурса [см.: Проблемы конструирования... 2017: 30—61]: *Ракета 9М729 является разработкой уральского ОКБ «Новатор». Это предприятие США внесли в санкционный список. В связи с якобы неисполнением Москвой «ракетного» договора в части размещения запрещенных ракет Вашингтон решил выйти из соглашения* (URA.RU. 10.02.19). В этом смысле для Татарстана как сельскохозяйственного центра оказывается значимой идеологема «импортозамещение»: *Мы должны заниматься импортозамещением и продвиже-*

нием экспорта. Создавать новые продукты, которые дешевле, чем у конкурентов. Эти задачи нам нужно решать в рамках стратегии, которая утверждена майскими указами Президента РФ (События. 26.12.18).

К **социальной идентификации** территорий мы причисляем наиболее самобытные типы персонажей, которые едва ли можно привести к какому-либо общему социологическому знаменателю и которые слабо или совсем не соотносятся с политической жизнью региона.

Уникальные представители Урала — рабочие завода, металлурги, горняки и члены криминальных группировок. Например: *Свердловские горноспасатели примут участие в ликвидации последствий возгорания на шахте «Уралкалия» в Соликамске (Пермский край)* (URA.RU. 22.12.18); *В Челябинске осел криминальный авторитет Аведик* (URA.RU. 16.07.18).

В «Новом Калининграде» образом-знаком местности служат морские офицеры и моряки. Историческая неповторимость области обуславливает включение в модель идентичности таких персонажей, как переселенцы — граждане СССР, заселившие территорию в послевоенное время — и немцы, жители старого Кёнигсберга, упоминающиеся только ретроспективно: *Гнетущее ощущение у первых переселенцев в Калининградскую область возникало скорее из-за послевоенной разрухи, а не из-за немецких зданий* (Новый Калининград. 21.03.19); *Нехама Дробер, урождённая Хелла Марковски, родилась в Кёнигсберге в 1927 году. Здесь она ходила в еврейскую школу при синагоге, кормила лебедей в Южном парке...* (Новый Калининград. 10.11.18).

Яркими персонажами Татарстана в текстах СМИ можно назвать исполнителей песенного искусства, поэтов и молодежь. К примеру: *Ильгам Шакиров — выдающийся татарский певец, чье творчество — целая эпоха в исполнительском искусстве* (События. 16.01.19); *Молодежь стала серьезным субъектом не только социальной жизни, но и экономики города и республики* (События. 29.09.18).

Практики конструирования **культурной идентификации** характеризуются «поворотом в прошлое», поэтому, возвращаясь к идее об условности категории настоящего, вслед за Я. Ассманом будем разделять коммуникативную и культурную память. Под первой ученый понимает воспоминания современников о недавнем прошлом; под второй — воспоминания коллектива об отдаленном прошлом, которые преобразуются в миф [Ассман 2004: 52—55]. К плану настоя-

щего будем относить культурный фонд региона, созданный относительно недавно, то есть в современный период истории, и закрепившийся в памяти жителей как отражающий местный колорит.

В публикациях «URA.RU» самоопределение жителей формируется в основном вокруг школы уральской драматургии Николая Коляды, уральского рока, а также самобытного явления массовой культуры — команд КВН из Челябинска и Екатеринбурга. Приведем примеры: *Екатеринбург — не Урюпинск! Это город университетов, знаменитого рок-клуба, собственной школы драматургии...* (URA.RU. 20.05.18); *Звезда «Уральских пельменей» нашел способ достучаться до властей, чтобы спасти Дворец культуры от сноса* (URA.RU. 09.11.18).

Для культурной идентификации татарстанцев оказывается важным современное состояние песенного искусства, танцев и театра как воплощения национальных традиций. Например: *Фестиваль татарской песни «Узгәреш жиле» в этом году представил 29 песен...* (События. 10.01.19); *Народные театры — это наша гордость. Среди татарских народных театров есть такие, что по мастерству превосходят даже профессиональные труппы...* (События. 09.02.19).

Наконец, культурная идентификация Калининградской области наиболее показательна в историческом разрезе. Однако, в отличие от Урала и Татарстана, сильную позицию в модели калининградской идентичности занимают объекты материальной культуры, предъявляемые в настоящем и изменившиеся в недавнем прошлом. Было бы точнее назвать эту идентификацию архитектурной, поскольку в «Новом Калининграде» отдельно конструируется неповторимый облик градостроительства, сочетающий стиль немецких зданий с образцами советской застройки: *Когда меня просят охарактеризовать Калининград одним словом, я всегда говорю «эkleктика», но добавляю «в лучшем смысле этого слова». Так Калининград развивался в течение своей истории (...) Когда хрущевки соседствуют с немецкими постройками, это как раз и есть самобытность Калининграда* (Новый Калининград. 24.04.19).

Этноконфессиональную идентификацию уральцев образует отбор религиозных объектов дискурса, который содержательно задает направление для формирования многонационального и многоконфессионального пространства. В текстах обсуждаются вопросы, сопряженные не только с православием, но и с исламом: *Духовный*

лидер мусульман Челябинской и Курганской областей Ринат Раев, высказал свои предположения, как приходят на Урал вербовщики террористов (URA.RU. 24.11.18). На уровне упоминаний в дискурс включаются старообрядцы, католики, а также коренные народы Урала как носители древних религиозных воззрений. При этом в силу преобладания в регионе русского населения количественное предпочтение отдается персонажам и событиям, сопряженным с православием, а доля «чистого» религиозного дискурса, без политической примеси, сведена к минимуму.

В калининградской модели идентичности этноконфессиональный компонент приглушен, так как национальная принадлежность населения территории четко определена временем: немцы и евреи — прошлое региона, русские — его настоящее. Архитектурная идентификация с акцентом на немецких кирхах отражает лютеранскую часть истории области, с вниманием к советским постройкам — атеистическую, будто протянутую в сегодняшний день, поскольку религиозная идентификация современных калининградцев представляет собой смысловую лакуну в местном медиадискурсе.

Для Татарстана данное направление идентичности является основополагающим. С одной стороны, в соответствии со статусом национальной республики, в текстах СМИ в приоритет выведена татарская национальность, во многом определяемая мусульманской культурой. Это находит отражение в практиках отбора религиозных событий, персонажей и этнических представителей региона, а также в конструировании концептов этноконфессионального значения. Допустим, христианские праздники и духовные лица почти не включены в повестку дня «Событий», несмотря на закреплённость, наряду с исламом, особой роли православия в республиканском «Законе о свободе совести и религиозных объединениях». Частотный персонаж публикаций — Духовное управление мусульман РТ. Мусульманскими праздниками и ритуалам посвящены отдельные тексты: *Что такое курбан-байрам? [Заголовки] Курбан-байрам, он же Ид аль-адха, — один из главных праздников для мусульман...* (События. 14.02.19).

Татары изображаются сильным и гордым народом, встречается этническое сопоставление с башкирами, причем любопытно, что в пользу последних: *Наш народ за свою многовековую историю прошел множество испытаний, но из каждого испытания вышел с гордостью, не потерял язык и веру* (События. 14.02.19); *У башкир, видимо,*

национальный дух сильнее. (...) В Башкортостане в защиту башкирского и татарского языков как родных языков было собрано более 17 тысяч подписей. А в Татарстане не набралось и трех тысяч... (События. 20.11.18). Также широко представлено субэтническое разнообразие татар: *крымские татары, сибирские, астраханские и др.*

Одним из ключевых концептов народа выступает татарский язык. Вплетение лингвистической идентификации сказывается на регулярном освещении проблемы двуязычия: *В Конституции Татарстана черным по белому написано, что татарский и русский — равноправные государственные языки. Не «русский и татарский языки», а «татарский и русский языки»! Хотя в таких вопросах обычно пишут в порядке алфавита* (События. 05.09.18).

С другой стороны, журналистские материалы демонстрируют установку на мультикультурализм и толерантность: *Татарстан является общим домом для представителей всех народов, проживающих в республике, и в то же время это особая форма государственности для татар, потому что представители татарского народа проживают во многих регионах России и в других странах мира* (События. 27.12.18).

2. Обратимся к категории **прошлого** и реконструируем углубившиеся во времени собственно историческую и культурно-историческую идентификации регионов.

Собственно историческая идентификация реализована нарративными практиками дискурса. В рамках изучения коллективной идентичности многие исследователи также описывают их как практики коммеморации — нарративные схемы, выполняющие функцию объединения коллектива на основе общности исторической памяти [см.: Giasen 2004; Горнова 2017; Мегилл 2007; Ребрина, Чубай 2019]. Нелинейное повествование об истории региона в медиадискурсе конструирует миф, где узловыми точками служат подвиги и страдания [см.: Пропп 2001; Фрейдсберг 1998].

Территории объединяют рассказы о событиях Великой Отечественной войны, которые обрисовывают общенациональный подвиг народа-триумфатора [см.: Giasen 2004; см. также: Ильина, Каблуков 2019а: 74]. В силу специфики истории формирования Калининградской области данную практику можно отнести к конструированию идентичности только территории, а не ее населения, поэтому в текстах нет смыслов возвеличивания жителей региона как участников войны, в сравнении с уральцами и татарстан-

цами. Например: *«Чтим и помним вклад уральцев в эту победу и роль уральских танков, которые были признаны лучшими во Второй мировой войне»* (URA.RU. 08.09.18); *Из 17 погибших в боях Великой Отечественной войны пикирующих бомбардировщиков Пе-2 в Казани соберут один. Восстановленный пикирующий бомбардировщик станет реальным воплощением памяти о самоотверженном труде авиастроителей республики* (События. 23.10.18).

Перейдем к различиям. Историческую перспективу Урала задают такие периоды, как становление горнозаводского Урала в XVIII в., расстрел царской семьи Романовых и жизнь уральцев в 90-е гг. [см. также: Асташова 2019; Ильина, Каблуков 2019б: 125]. Если промышленное наследие региона вызывает почтительное отношение, как к результату подвига, то трагическая смерть членов последней в России монархической династии и эпоха власти организованной преступности расцениваются в медиатекстах как страдания. К примеру: *Расстрел Романовых превратился в бренд, который тоже принесит городу деньги. Хотя это не означает, что город прощает это преступление. Просто надо видеть разницу между этической оценкой события и пользой (...). Если брать ту же группировку «Уралмаш», то я уверен, что лет через 50 это будет такой же бренд, как Аль Капоне* (URA.RU. 27.11.18).

В материалах татарстанского издания подъем национального духа сопряжен с этапами процветания форм национальной государственности: периодами Золотой Орды, Казанского ханства, образованием Республики Татарстан в 1920 г. и принятием Декларации о суверенитете Татарстана в 1990 г. [см. также: Ильина 2020]. Приведем некоторые примеры: *То, что мне придает силы, — героизм нашего народа в Великой Отечественной войне (...). А если перейдем в еще более древний период — Золотая Орда, Казанское ханство...* (События. 22.10.18); *Мы сейчас готовимся к 100-летию образования ТАССР. Для нас это будет большое событие (...). Это повод взглянуть в 100-летнюю историю Татарии начиная с 1920 года* (События. 16.03.19). Выделяются исторические периоды, соотносимые с религиозной идентификацией татарстанцев. Событием расцвета показано принятие ислама Волжской Булгарией, и напротив, стадией упадка рисуется завоевание Казани: *После завоевания Казани в 1552 году уничтожались культурное наследие татар, в основном мечети и медресе (...). В этот период религиозная жизнь татар всячески преследуется. Начинается кампания по насиль-*

ственному крещению... (События. 28.02.19).

Нарратив о калининградцах организован вокруг двух узловых точек: времени вхождения территории в состав Восточной Пруссии и советского послевоенного периода. Иногда упоминается Семилетняя война, когда часть немецких земель принадлежала Российской империи. Однако тексты интернет-издания, пропитанные бережным отношением к немецкой истории, не идентифицируют калининградцев как победителей и посему имеющих какое-то заслуженное преимущество. Война принесла одни разрушения — таков ключевой посыл: *После штурма Кёнигсберга во время Второй мировой войны в местном зоопарке выжили четверо животных — бегемот, лань, осёл и барсук* (Новый Калининград. 28.03.19). *Ближе к концу 1940-х областные власти начали задумываться над тем, как восстанавливать разрушенный войной центр города* (Новый Калининград. 21.03.19). Советский период характеризуется как неудачный, что обусловлено борьбой со всем немецким, имеющим сакральное значение для оппозиционной редакции: *...управление по делам архитектуры при совете министров РСФСР использовало такие формулировки: «Нужно преодолеть и вытравить мрачный воинственный дух прусской архитектуры...»* (Новый Калининград. 21.03.19).

Отдаленная во времени **культурно-историческая идентификация** регионов складывается практикой отбора прецедентных имен, представляющих регион во все-российском и международном масштабе. Эта практика была распространена в 2018 г., когда был объявлен конкурс «Великие имена России», по результатам которого российским аэропортам были присвоены имена наиболее выдающихся соотечественников. Жители регионов выбирали известных деятелей прошлого, по их мнению, представляющих особенности локального историко-культурного фона.

Для анализа дискурсивных практик важен не столько набор представленных имен, сколько журналистские способы освещения громкой темы. В публикациях «URA.RU» не наблюдается каких-либо предпочтений, не устанавливается критически значимая зависимость региональной самопрезентации от выбора имени. Тексты «Татар-информ» репрезентируют тенденциозность в повышенном внимании к татарским именам: *Татарская общественность, естественно, за присвоение казанскому аэропорту имени известной личности из татар* (События. 20.11.18). Наконец, в калининградском медиадискурсе обсуждение конкурса оберну-

лось заметной эскалацией конфликта германизаторов и антигерманизаторов, выбор прецедентного имени для области стал острым идеологическим вопросом. К примеру: *...стан антигерманизаторов приободрился и выкатил обвинения в провокации в адрес почитателей Канта, а заодно еще раз потребовал убрать имя философа из списка претендентов на увековечение в аэропорту. Примерно тем же занялись представители коммунистической партии, (...) собрали пикет с требованием присвоить аэропорту имя маршала Александра Василевского* (Новый Калининград. 29.11.18).

3. Будущее местности формируют грядущие масштабные события, возведение новых объектов, а также политические задачи и социально-экономические перспективы. По текстам устанавливается, что взгляд вперед жителей регионов различен. Восприятие будущего уральцами и калининградцами можно назвать пессимистичным. Грамматические и лексические показатели будущего времени связаны с выраженным в контексте значением тревоги и перемен к худшему: *Есть опасение, что такими темпами Пермь станет одной из столиц околофутбола со всеми вытекающими последствиями — рост уличного насилия будет гарантирован* (URA.RU. 25.03.19); *...в региональной общественной палате решили обсудить будущее ангаров. И (...) будущее это неутешительно. Даже если спасти ангары, непонятно, что с ними потом делать, кому они нужны и, главное, за какие деньги* (Новый Калининград. 20.12.18).

Татарстанский медиадискурс демонстрирует устремленность в будущее. Жители предстают оптимистами, наделяющими будущее региона смыслами надежд и воплощения самых смелых прогнозов, в основном в области экономики: *Руководители компании рассказали о (...) сельхозпроекте, где все работы по выращиванию зерновых культур выполняют тракторы и дроны. (...) Создатели «фермы будущего» уверены, что со временем такие роботы станут привычным делом. Использование искусственного интеллекта и ИТ-технологий в сельском хозяйстве должно привести к экономии и стабильности в снабжении людей продовольствием* (События. 27.11.18).

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ дискурсивных практик СМИ позволил выявить закономерности и различия в моделях региональной идентичности, конструируемых интернет-изданиями трех территорий, а также определить как общие смысловые доминанты

концепта, так и уникальные для отдельно взятой местности. Практики организуют дискурс по пространственно-временным координатам, формируя комплекс когерентных идентификаций разных тематических направлений, актуализация которых градуируется от полного отсутствия к максимальному значению в зависимости от региона, типа анализируемого издания и соответствующей субъектной позиции редакции. Либерально ориентированные новые медиа Урала и Калининградской области конструируют образ местного сообщества с установкой на плюрализм, в основе практик лежит социальный антагонизм. Государственническая позиция СМИ Татарстана обуславливает трансляцию сверхидеи единства и традиционализма, преобладают практики гармонизации общественного климата региона.

Ландшафтно-географические особенности регионов заложены в пространственной идентификации, репрезентированной главным образом за счет топонимики как системы вербальных знаков «своих». Темпоральная идентификация выстраивается доминированием практик политического дискурса, часто возникает пересечение с религиозным дискурсом. В качестве тенденции в наполнении концепта региональной идентичности наблюдается «поворот в прошлое», отмеченный повышенным вниманием к историческому нарративу. В модели уральской идентичности главенствуют смыслы, соотносённые с горной местностью, активной гражданской позицией жителей и экономической мощью. Татарстан характеризуется как форпост России во всех аспектах, особое значение придается экономической и этноконфессиональной идентичности. Преобладающие векторы калининградских идентификаций — история эксклава и архитектурный облик территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айт, У. Региональные политические идентичности и общества Германии — влияние избирательного права, социальной и экономической структуры / У. Айт. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2014. — № 4 (28). — С. 150—166.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — Москва : Кучково поле, 2016. — Текст : непосредственный.
3. Анисимова, А. А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации : моногр. / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. — Новосибирск : НГУ, 2012. — Текст : непосредственный.
4. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — Текст : непосредственный.
5. Асташова, О. И. Национально-гражданская идентичность россиян в религиозном медиадискурсе / О. И. Асташова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования,

науки и культуры. — 2017. — Т. 23, № 1 (159). — С. 33–41.

6. Асташова, О. И. Уральская идентичность в региональном медиадискурсе / О. И. Асташова. — Текст : непосредственный // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : IV Междунар. науч.-практ. конф. Сборник научных статей. — Ереван : РАУ, 2019. — Ч. 1. — С. 154–159.

7. Богомяков, В. Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс / В. Г. Богомяков. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2007.

8. Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре: на материале Сибирского региона : автореферат дис. ... д-ра филос. наук / Головнева Е. В. — Екатеринбург, 2018. — Текст : непосредственный.

9. Горнова, Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г. В. Горнова. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (15). — С. 18–21.

10. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробичева. — Москва : РОССПЭН, 2013. — Текст : непосредственный.

11. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : Либроком, 2013. — Текст : непосредственный.

12. Ильина, О. Практики конструирования региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ / О. Ильина, Е. Каблуков. — Текст : непосредственный // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — № 1. — P. 71–76.

13. Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019b. — № 2 (74). — С. 119–131.

14. Ильина, О. В. Региональная идентичность жителей Татарстана в дискурсе СМИ / О. В. Ильина. — Текст : непосредственный // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. — Москва : Фак. журн. МГУ, 2020. — С. 467–468.

15. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. — Текст : непосредственный.

16. Каблуков, Е. В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования / Е. В. Каблуков. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. — 2018. — № 3. — С. 23–29.

17. Каминская, Т. Л. Региональная идентичность и выборы: медиадискурс / Т. Л. Каминская. — Текст : непосредственный // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : II Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом». — Белгород : ИД «Белгород», 2016. — С. 36–41.

18. Костяшина, Е. А. Медиадискурсивные механизмы моделирования томского городского публицистического текста / Е. А. Костяшина. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2012. — № 1 (17). — С. 5–12.

19. Купина, Н. А. Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — № 4 (168). — С. 19–31.

20. Купина, Н. А. Советские идеологические традиции сегодня / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 186–208.

21. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : коллектив. моногр. / отв. ред. Л. Г. Викулова. — Москва : Тезаурус, 2011. — Текст : непосредственный.

22. Макарова, Г. И. Динамика российской, региональной и этнической идентичностей в Татарстане / Г. И. Макарова. — Текст : непосредственный // Социологические исследова-

ния. — 2011. — № 5. — С. 71–77.

23. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. — Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. — Текст : непосредственный.

24. Назукина, М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореферат дис. ... канд. полит. наук / Назукина М. В. — Пермь, 2009. — Текст : непосредственный.

25. Нойман, И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойман. — Москва : Новое издательство, 2004. — Текст : непосредственный.

26. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — Текст : непосредственный.

27. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — Текст : непосредственный.

28. Пушкарёва, И. А. Специфика регионального медиадискурса: лингвоаксиологический аспект / И. А. Пушкарёва. — Текст : непосредственный // Медиастилистика. — 2017. — № 3 (18). — С. 90–98.

29. Ребрина, Л. Н. Дискурсивное конструирование локального патриотизма прошлого в региональных СМИ: коммеморация / Л. Н. Ребрина, С. А. Чубай. — Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. — 2019. — № 4 (82). — С. 47–51.

30. Сагитова, Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы : моногр. / Л. В. Сагитова. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — Текст : непосредственный.

31. Туровский, Р. Ф. Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский. — Текст : непосредственный // Российское общество: становление демократических ценностей? — Москва : Гендальф, 1999. — С. 87–136.

32. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — Текст : непосредственный.

33. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — Москва : Кастань, 1996. — Текст : непосредственный.

34. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2016. — Текст : непосредственный.

35. Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность / Э. В. Чепкина. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — Т. 22, № 4 (156). — С. 61–68.

36. Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики журналиста: метод анализа / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина. — Текст : непосредственный // II Международная научная конференция «Стилистика завтрашнего дня: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» : пленарные доклады. — Москва : МедиаМир, 2012. — С. 291–308.

37. Шушарина, Г. А. Экспликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве / Г. А. Шушарина. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2016. — № 2 (167). — С. 76–80.

38. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. — Москва : Прогресс, 1996. — Текст : непосредственный.

39. Bacon, A. Church and State in Contemporary Russia: conflicting discourses / A. Bacon. — Text : unmediated // Russia After Communism. — London ; Portland : Frank Cass, 2002. — P. 97–116.

40. Castells, M. The information age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. 2 : The power of identity. — Text : unmediated.

41. Giesen, B. Triumph and Trauma / B. Giesen. — Boulder : Paradigm Publishers, 2004. — Text : unmediated.

42. Huntington, S. P. Who are we? The challengers to America's National identity / S. P. Huntington. — New Delhi : Penguin

Books India, 2004. — Text : unmediated.

43. Iveson, M. Gendered dimensions of Catalan nationalism and identity construction on Twitter / M. Iveson. — Text : unmediated // *Discourse & Communication*. — 2017. — Vol. 11. — P. 51–68.

44. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. — London ; New York : Verso, 2001. — Text : unmediated.

45. Leith, M. S. Soule. Political Discourse and National Identity in Scotland / M. S. Leith, P. G. Daniel. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2011. — Text : unmediated.

46. Miro, S. J. Identity discourses about Spain and Catalonia in news media: understanding modern secesionalism / S. J. Miro. —

Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lexington books, 2019. — Text : unmediated.

47. Paasi, A. Region and place: regional identity in question / A. Paasi. — Text : unmediated // *Progress in human geography*. — 2003. — № 27 (4). — P. 475–485.

48. Schroder, M. Constructing Scottish identity in media discourses: the use of common sense knowledge in the Scottish press / M. Schroder. — Bern : Peter Lang Edition, 2015. — Text : unmediated.

49. Terlouw, K. From thick to thin identities? / K. Terlouw. — Text : unmediated // *GeoJournal*. — 2012. — № 77. — P. 707–721.

O. I. Astashova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4742-8173

✉ *E-mail*: oliams@rambler.ru.

Constructing Regional Identity in the Media Discourse: Experience of a Comparative Analysis

ABSTRACT. *The article is devoted to the reconstruction of the regional identity models. Research materials include new media of the Urals ("URA.RU"), Tatarstan ("Tatar-inform") and Kaliningrad Oblast ("New Kaliningrad"). Identity is considered as a discursive concept realized through a set of identifications of diverse thematic areas modified by the super-textual categories of time and space. The author uses a critical approach and analyzes the construction practices of subject positions in the regional media discourse, which determine the selection and description of the objects and the key concepts. The comparative analysis has revealed the similarities and differences of the media texts of the three territories both in terms of the choice of discursive practices and the corresponding semantic content.*

The author makes a conclusion about the degree of actualization of common concepts. The territories are united by the landscape geographical principle of the selection of spatial objects, nominations of which serve as verbal codes of their "own". The temporal region identification is characterized by the inhabitants' retrospective orientation towards the past influencing the present. Narrative practices of construction of the local community history and its political identification in the present prevail. Intersections of political and religious discursive practices have also been detected. The key identifications of the Urals are somehow or rather connected with mountainous areas, of Tatarstan — with ethno-confessional and economic areas, of Kaliningrad region — with the regional history and architectural originality.

KEYWORDS: *media discourse; media texts; media linguistics; journalism; mass media; mass media language; linguistic means; discourse analysis; regional identity; discursive practices; regional mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Astashova Ol'ga Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Astashova, O. I. Constructing Regional Identity in the Media Discourse: Experience of a Comparative Analysis / O. I. Astashova // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 120–133. — DOI 10.26170/pl20-02-13.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 18-312-00143 «Regional Identity of the Russian People in Mass Media Discourse: Unity and Diversity».*

REFERENCES

1. Ayt, U. Regional Political Identities and Communities of Germany - the Impact of Suffrage, Social and Economic Structure / W. Ait. — Text : unmediated // *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. — 2014. — No. 4 (28). — S. 150–166. [Regional'nye politicheskie identichnosti i soobshchestva Germanii — vliyaniye izbiratel'nogo prava, sotsial'noy i ekonomicheskoy struktury / U. Ayt. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. — 2014. — № 4 (28). — S. 150–166]. — (In Rus.)

2. Anderson, B. Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / B. Anderson. — Moscow : Kuchkovo Field, 2016. — Text : unmediated. [Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma / B. Anderson. — Moskva : Kuchkovo pole, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Anisimova, A. A. Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization : monograph / A. A. Anisimova, O. G. Echevskaya. — Novosibirsk : NSU, 2012. — Text : unmediated. [Sibirskaya identichnost' : predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii :

monogr. / A. A. Anisimova, O. G. Echevskaya. — Novosibirsk : NSU, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Assman, Ya. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity / J. Assman. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2004. — Text : unmediated. [Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Ya. Assman. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Astashova, O. I. National Civil Identity of Russians in Religious Media Discourse / O. I. Astashova. — Text : unmediated // *Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*. — 2017. — Vol. 23, No. 1 (159). — P. 33–41. [Natsional'no-grazhdanskaya identichnost' rossiyan v religioznom mediadiskurse / O. I. Astashova. — Tekst : neposredstvennyy // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. — 2017. — T. 23, № 1 (159). — S. 33–41]. — (In Rus.)

6. Astashova, O. I. Ural Identity in a Regional Media Discourse / O. I. Astashova. — Text : unmediated // *Russian at the*

Crossroads of Eras: Traditions and Innovations in Russian Studies : IV Intern. Scientific-practical Conf. Collection of Scientific Articles. — Yerevan : RAU, 2019. — Part 1. — P. 154–159. [Ural'skaya identichnost' v regional'nom mediadiskurse / O. I. Astashova. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike : IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sbornik nauchnykh statey. — Erevan : RAU, 2019. — Ch. 1. — S. 154–159]. — (In Rus.)

7. Bogomyakov, V. G. Regional Identity of the “Tyumen land”: Myths and Discourse / V. G. Bogomyakov. — Yekaterinburg : Discourse-Pi, 2007. [Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoy»: mify i diskurs / V. G. Bogomyakov. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2007]. — (In Rus.)

8. Golovneva, E. V. The Construction of Regional Identity in Modern Culture: on the Material of the Siberian Region : resume of thesis. ... of Dr. of Philos. Sciences / Golovneva E. V. — Yekaterinburg, 2018. — Text : unmediated. [Konstruirovaniye regional'noy identichnosti v sovremennoy kul'ture: na materiale Sibirskogo regiona : avtoreferat dis. ... d-ra filos. nauk / Golovneva E. V. — Ekaterinburg, 2018. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Gornova, G. V. Collective Memory and the Practice of Commemoration in the Formation of Urban Identity / G. V. Gornova. — Text : unmediated // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. — 2017. — No. 2 (15). — P. 18–21. [Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoratsii v formirovaniy gorodskoy identichnosti / G. V. Gornova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. — 2017. — № 2 (15). — S. 18–21]. — (In Rus.)

10. Civic, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow / chief of project and resp. ed. L. M. Drobizheva. — Moscow : ROSSPEN, 2013. — Text : unmediated. [Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva. — Moskva : ROSSPEN, 2013. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Dijk, T. A. van. Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and Communication / T. A. van Dijk. — Moscow : Librocom, 2013. — Text : unmediated. [Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii / T. A. van Dijk. — Moskva : Librocom, 2013. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Il'ina, O. Practices of Constructing the Regional Identity of Russians in the Media Discourse / O. Ilyina, E. Kablukov. — Text : unmediated // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — No. 1. — P. 71–76. [Praktiki konstruirovaniya regional'noy identichnosti rossiiyan v diskurse SMI / O. Il'ina, E. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP) WEST-EAST. Scientific Journal WEST-EAST. — 2019a. — Vol. 2/2. — № 1. — P. 71–76]. — (In Rus.)

13. Il'ina, O. V. Practice of Constructing the Ural Identity in the Media Discourse of the Sverdlovsk Region / O. V. Ilyina, E. V. Kablukov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019b. — No. 2 (74). — P. 119–131. [Praktiki konstruirovaniya ural'skoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti / O. V. Il'ina, E. V. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019b. — № 2 (74). — S. 119–131]. — (In Rus.)

14. Il'ina, O. V. Regional Identity of the Inhabitants of Tatarstan in the Media Discourse / O. V. Ilyina. — Text : unmediated // Journalism in 2019: Creativity, Profession, Industry. — Moscow : Fac. of Journalism of Moscow State University, 2020. — P. 467–468. [Regional'naya identichnost' zhitel'ey Tatarstana v diskurse SMI / O. V. Il'ina. — Tekst : neposredstvennyy // Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. — Moskva : Fak. zhurn. MGU, 2020. — S. 467–468]. — (In Rus.)

15. Jorgensen, M. V. Discourse Analysis: Theory and Method / M. V. Jorgensen, L. J. Phillips. — Kharkov : Humanitarian Center, 2008. — Text : unmediated. [Diskurs-analiz: teoriya i metod / M. V. Jorgensen, L. Dzh. Fillips. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Kablukov, E. V. Regional Identity of Russians in the Media Discourse: Theoretical Aspects of Scientific Modeling / E. V. Kablukov. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1. — 2018. — No. 3. — P. 23–29. [Regional'naya

identichnost' rossiiyan v diskurse SMI: teoreticheskie aspekty nauchnogo modelirovaniya / E. V. Kablukov. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. — 2018. — № 3. — S. 23–29]. — (In Rus.)

17. Kaminskaya, T. L. Regional Identity and Elections: Media Discourse / T. L. Kaminskaya. — Text : unmediated // The Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of Theory, Social Practice and Education: II Intern. scientific-practical conf. “Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad.” — Belgorod : Publishing House “Belgorod”, 2016. — P. 36–41. [Regional'naya identichnost' i vybory: mediadiskurs / T. L. Kaminskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya : II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom». — Belgorod : ID «Belgorod», 2016. — S. 36–41]. — (In Rus.)

18. Kostyashina, E. A. Media-discursive Modeling Mechanisms of the Tomsk City Journalistic Text / E. A. Kostyashina. — Text : unmediated // Language and Culture. — 2012. — No. 1 (17). — P. 5–12. [Mediadiskursivnye mekhanizmy modelirovaniya tomskogo gorodskogo publitsisticheskogo teksta / E. A. Kostyashina. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — 2012. — № 1 (17). — S. 5–12]. — (In Rus.)

19. Kupina, N. A. Axiological Strategy and Its Speech Implementation in a Regional Newspaper / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture. — 2017. — No. 4 (168). — P. 19–31. [Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regional'nom gazetnom izdaniy / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. — 2017. — № 4 (168). — S. 19–31]. — (In Rus.)

20. Kupina, N. A. Soviet Ideological Traditions Today / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Soviet Past and the Culture of the Present : monograph. — Yekaterinburg : Publishing House of Ural. Univ., 2009. — P. 186–208. [Sovetskie ideologicheskie traditsii segodnya / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego : monogr. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2009. — S. 186–208]. — (In Rus.)

21. Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings : collective monograph / resp. ed. L. G. Vikulova. — Moscow : Thesaurus, 2011. — Text : unmediated. [Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov : kolektiv. monogr. / otv. red. L. G. Vikulova. — Moskva : Tezaurus, 2011. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Makarova, G. I. Dynamics of Russian, Regional and Ethnic Identities in Tatarstan / G. I. Makarova. — Text : unmediated // Sociological Studies. — 2011. — No. 5. — P. 71–77. [Dinamika rossiyskoy, regional'noy i etnicheskoy identichnosti v Tatarstane / G. I. Makarova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2011. — № 5. — S. 71–77]. — (In Rus.)

23. Megill, A. Historical Epistemology / A. Megill. — Moscow : Canon + : ROOI “Rehabilitation”, 2007. — Text : unmediated. [Istoricheskaya epistemologiya / A. Megill. — Moskva : Kanon+ : ROOI «Reabilitatsiya», 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Nazukina, M. V. Regional Identity in Modern Russia: Typological Analysis: resume of thesis. ... of Cand. of Political Sciences / Nazukina M. V. — Perm, 2009. — Text : unmediated. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskii analiz : avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk / Nazukina M. V. — Perm', 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Noyman, I. Using the Other: Images of the East in the Formation of European Identities / I. Noyman. — Moscow : New Publishing House, 2004. — Text : unmediated. [Ispolzovanie Drugogo: obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey / I. Noyman. — Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of “Information War”. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. — Text : unmediated. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna». — Moskva ; Ekaterinburg : Kabi-

- netnyy uchenyy, 2017. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Propp, V. Ya. Morphology of a Fairy Tale / V. Ya. Propp. — Moscow : Labyrinth, 2001. — Text : unmediated. [Morfologiya volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — Moskva : Labirint, 2001. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Pushkareva, I. A. Specificity of the Regional Media Discourse: Linguo-axiological Aspect / I. A. Pushkareva. — Text : unmediated // Mediastylistics. — 2017. — No. 3 (18). — P. 90—98. [Spetsifika regional'nogo mediadiskursa: lingvoaksiologicheskii aspekt / I. A. Pushkareva. — Tekst : neposredstvennyy // Mediastylistika. — 2017. — № 3 (18). — S. 90—98]. — (In Rus.)
29. Rebrina, L. N. Discursive Construction of Local Patriotism of the Past in the Regional Media: Commemoration / L. N. Rebrina, S. A. Chubai. — Text : unmediated // International Research Journal. Philological sciences. — 2019. — No. 4 (82). — P. 47—51. [Diskursivnoe konstruirovaniye lokal'nogo patriotizma proshlogo v regional'nykh SMI: kommemoratsiya / L. N. Rebrina, S. A. Chubay. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. Filologicheskie nauki. — 2019. — № 4 (82). — S. 47—51]. — (In Rus.)
30. Sagitova, L. V. Republic of Tatarstan: Politics of Identity and Its Actors: monograph. / L. V. Sagitova. — Kazan : Institute of History. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. — Text : unmediated. [Respublika Tatarstan: politika identichnosti i ee aktory : monogr. / L. V. Sagitova. — Kazan' : Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
31. Turovskiy, R. F. Regional Identity in Modern Russia / R. F. Turovskiy. — Text : unmediated // Russian Society: the Formation of Democratic Values? — Moscow : Gandalf, 1999. — P. 87—136. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii / R. F. Turovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Rossiyskoe obshchestvo: stanovleniye demokraticheskikh tsennostey? — Moskva : Gendalf, 1999. — S. 87—136]. — (In Rus.)
32. Freydenberg, O. M. Myth and Literature of Antiquity / O. M. Freydenberg. — Moscow : Publishing company "Eastern Literature" RAS, 1998. — Text : unmediated. [Mif i literatura drevnosti / O. M. Freydenberg. — Moskva : Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
33. Fuko, M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of different years. — Moscow : Castal, 1996. — Text : unmediated. [Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. — Moskva : Kastal', 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
34. Harari, Yu. N. Sapiens. A Brief History of Humanity / Yu. N. Harari. — Moscow : Sinbad, 2016. — Text : unmediated. [Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva / Yu. N. Kharari. — Moskva : Sindbad, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
35. Chepkina, E. V. Discursive Practices of Designing the Address of the Regional Press: National Civil Identity / E. V. Chepkina. — Text : unmediated // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of Education, Science and Culture. — 2016. — Vol. 22, No. 4 (156). — P. 61—68. [Diskursivnye praktiki konstruirovaniya adresata regional'noy pressy: natsional'nograzhdanskaya identichnost' / E. V. Chepkina. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. — 2016. —
- T. 22, № 4 (156). — S. 61—68]. — (In Rus.)
36. Chepkina, E. V. Discursive Journalist Practices: a Method of Analysis / E. V. Chepkina, L. V. Enina. — Text : unmediated // II International Scientific Conference "The Style of Tomorrow: Media Text in the Pragmatic, Rhetorical and Linguocultural Aspects": plenary reports. — Moscow : MediaMir, 2012. — P. 291—308. [Diskursivnye praktiki zhurnalista: metod analiza / E. V. Chepkina, L. V. Enina. — Tekst : neposredstvennyy // II Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Stilistika zavtrashnego dnya: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh» : plenarnye doklady. — Moskva : MediaMir, 2012. — S. 291—308]. — (In Rus.)
37. Shusharina, G. A. Explication of the Regional Identity of Komsomol'sk-on-Amur in the Regional Onomastic Space / G. A. Shusharina. — Text : unmediated // Bulletin of TSPU. — 2016. — No. 2 (167). — P. 76—80. [Eksplikatsiya regional'noy identichnosti Komsomol'ska-na-Amure v regional'nom onomasticheskom prostranstve / G. A. Shusharina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TGPU. — 2016. — № 2 (167). — S. 76—80]. — (In Rus.)
38. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis / E. Erikson. — Moscow : Progress, 1996. — Text : unmediated. [Identichnost': yunost' i krizis / E. Erikson. — Moskva : Progress, 1996. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Bacon, A. Church and State in Contemporary Russia: conflicting discourses / A. Bacon. — Text : unmediated // Russia After Communism. — London ; Portland : Frank Cass, 2002. — P. 97—116.
40. Castells, M. The information age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. 2 : The power of identity. — Text : unmediated.
41. Giesen, B. Triumph and Trauma / B. Giesen. — Boulder : Paradigm Publishers, 2004. — Text : unmediated.
42. Huntington, S. P. Who are we? The challengers to America's National identity / S. P. Huntington. — New Delhi : Penguin Books India, 2004. — Text : unmediated.
43. Iveson, M. Gendered dimensions of Catalan nationalism and identity construction on Twitter / M. Iveson. — Text : unmediated // Discourse & Communication. — 2017. — Vol. 11. — P. 51—68.
44. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. — London ; New York : Verso, 2001. — Text : unmediated.
45. Leith, M. S. Soule. Political Discourse and National Identity in Scotland / M. S. Leith, P. G. Daniel. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2011. — Text : unmediated.
46. Miro, S. J. Identity discourses about Spain and Catalonia in news media: understanding modern seccesionalism / S. J. Miro. — Lanham ; Boulder ; New York ; London : Lenxington books, 2019. — Text : unmediated.
47. Paasi, A. Region and place: regional identity in question / A. Paasi. — Text : unmediated // Progress in human geography. — 2003. — № 27 (4). — P. 475—485.
48. Schroder, M. Constructing Scottish identity in media discourses: the use of common sense knowledge in the Scottish press / M. Schroder. — Bern : Peter Lang Edition, 2015. — Text : unmediated.
49. Terlouw, K. From thick to thin identities? / K. Terlouw. — Text : unmediated // GeoJournal. — 2012. — № 77. — P. 707—721.